

От власти бондов к средневековому государству

И. Б. Губанов, А. А. Хлевов

Для цитирования: Губанов И. Б., Хлевов А. А. От власти бондов к средневековому государству // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 451–463. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.208>

В статье предпринимается попытка проследить две принципиально различные фазы общественного развития в Скандинавии архаического периода. Судя по тому, что длинный дом каркасно-столбовой конструкции, в котором проживала патрилокальная расширенная семья, владевшая одадем на протяжении поколений, появился еще в раннем скандинавском бронзовом веке около 1800 г. до н. э. и бытовал на протяжении трех тысячелетий, включая так называемую эпоху викингов, представляется весьма вероятным, что традиционное древнескандинавское общество бондов существовало все это время. Письменные источники говорят о том, что это общество в своих главных чертах не менялось вплоть до 1179–1180 гг. в Дании и приблизительно до середины XIII в. в Норвегии. Сложилась система одаля — неотчуждаемой собственности патрилокальной расширенной семьи. Эта земля передается по наследству по мужской линии из поколения в поколение. Часто три поколения родичей — глава одаля с женой и его взрослые сыновья со своими женами и детьми, а также многочисленные домочадцы и домашние рабы (трэли) — живут под одной крышей в длинном доме с центральными прямоугольными очагами по оси. Конунг имеет право собирать народное ополчение бондов, которое под руководством своих лидеров — влиятельных и богатых бондов — вполне способно противостоять дружине конунга и зачастую диктует ему свои условия. Конунгов выбирают на тингах — собраниях вооруженных мужчин округов, где преимущественно разбираются распри между коллективами родичей. Образование раннесредневековых государств в Дании произошло в последней четверти XII в., а в Норвегии — не позже второй половины XIII в. Епископ Абсалон и король Вальдемар I, после периода так называемых гражданских войн опираясь на профессиональное тяжеловооруженное конное войско, одерживают победу над ополчением бондов,

Илья Борисович Губанов — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; gilya1969@mail.ru

Ilya B. Goubanov — PhD (History), Senior Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), the Russian Academy of Sciences, 3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; gilya1969@mail.ru

Александр Алексеевич Хлевов — д-р филос. наук, канд. ист. наук, проф., Севастопольский государственный университет, Российская Федерация, 295033, Севастополь, ул. Университетская, 33; hlevov@mail.ru

Alexander A. Khlevov — Dr. Sci. (Philosophy), PhD (History), Professor, Sevastopol State University, 33, ul. Universitetskaya, Sevastopol, 295033, Russian Federation; hlevov@mail.ru

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00173 «Датские исторические источники XII–XIV вв. Исследования и переводы».

The article was written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-09-00173 “Danish historical sources of the XII–XIV centuries. Research and translations”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

разоружают бондов, которым теперь были предписаны только сельскохозяйственные работы, налоги в пользу короля и повинности в пользу новых феодальных господ.

Ключевые слова: одал, древние германцы, археология Скандинавии, традиционная структура общества в Скандинавии, древнескандинавское жилище, длинный дом, народное ополчение, дружина, средневековое государство.

From Power of Bonds to a Medieval State

I. B. Goubanov, A. A. Khlevov

For citation: Goubanov I. B., Khlevov A. A. From Power of Bonds to a Medieval State. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 2, pp. 451–463.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.208> (In Russian)

Two fundamentally different phases of social development in archaic Scandinavia can be identified. Judging by the fact that the long house of frame construction of the patrilocal extended family, who had been keeping an *oðal* for generations, emerged in the early Scandinavian Bronze Age around 1800 BC and existed for three millennia, including the so-called “Viking Age”, it is possible to assume that the traditional Scandinavian society of bonds had existed all this time until 1179–1180 in Denmark. The *odel* system had developed; this land was inherited by males and passed down from generation to generation. Often three generations of relatives — the head of the *oðal* with his wife and his adult sons with their wives and children as well as numerous household members and house slaves — lived under the same roof in a long house with central rectangular hearths along the axis. The king had the right to call out militia of bonds, which under the leadership of its leaders — strong and wealthy bonds — was quite capable of resisting the king’s not large squad and often dictated terms to it. The kings were chosen at *þings* — assemblies of armed men of districts where legal issues were settled. The formation of early medieval states in Denmark took place in the last quarter of the 12th century. The king Valdemar and Bishop Absalon after a period of the so-called “civil wars” supported by professional heavy cavalry defeated the militia and disarmed bonds, who were now assigned only agriculture work, taxes to the crown and the church and service to the new feudal lords.

Keywords: *oðal*, ancient Germans, Scandinavian archeology, traditional structure of society in Scandinavia, Old Scandinavian dwelling, long house, militia, squad, medieval state.

История Северной Европы и, в частности, Скандинавии стоит несколько особняком в ряду историй сопредельных регионов. Ее яркой отличительной чертой выступает исключительно долгое существование архаических общественных институтов, практически не меняющихся на протяжении едва ли не трех тысячелетий. Сложившиеся на рубеже неолита и бронзового века (быть может, и в более раннюю эпоху) стандарты социального устройства в основных своих чертах не претерпели серьезных изменений и просуществовали вплоть до первой половины 2-го тыс. н. э., до высокого Средневековья по общеевропейской хронологической шкале. Высокая степень эгалитарности северного общества, отсутствие выраженных антагонизмов между социальными группами и слабая степень дифференцированности самих этих групп, замедленность процессов классообразования и политогенеза — особенно на фоне стремительно прогрессировавших в этом направлении в III–VIII вв. германских обществ, оказавшихся не только на континенте, но даже в Британии, — все это обеспечило принципиально иную хронологию и периодизацию северной истории. Вопрос о крайней условности понятия «эпоха викингов» применительно

к самому скандинавскому обществу, о слабой приложимости к нему общеевропейских социоисторических клише и необходимости особой оценки эволюционных и революционных событий северной истории уже ставился и, без сомнения, требует дальнейшей тщательной разработки¹.

Какой фактор в базовой социальной структуре обеспечивал скандинавскому обществу стабильность в течение столетий? Прорывное открытие по исторической социологии древнескандинавского общества совершили датские историки эпохи Просвещения и Великих сельских реформ в Дании, открывшие древнескандинавский одал. Первым мысль о древней свободе скандинавских бондов выдвинул П. Ф. Сум в книге «История датского земледелия и сельского хозяйства» («Historien af den danske Agerdyrkning og Landvæsen», 1771), посвященной периоду до смерти короля Харальда в 1080 г. Он основывался в ней на старой работе Ханса Гама «О старинном слове “господин”» («Om det gamle Ord Herremand», 1754), где указывалось, что на одном из северных диалектов понятие и слово «бонд» было почетным, означая мужа, имевшего дом и участок с имуществом. Лишь потом оно деградировало до рабского смысла, из семантического ряда типа *rusticus* или *colonus*². Другой датский историк и общественный деятель эпохи Просвещения Тьеге Роте, подготовивший в 1770-х гг. четыре части своей фундаментальной работы «Влияние христианства на состояние народов Европы»³, подробно рассмотрел этот вопрос, исследовав источники по земельной общине от описания германцев у Тацита до материалов по этнографии североамериканских индейцев. Также ученый высказал предположение, что в Скандинавии исконно существовал одал, а у южных германцев — община. Общинный ежегодный передел земли старейшинами в мирное время и военными вождями во времена немирья действительно фиксируется у германцев на Рейне Гаем Юлием Цезарем в «Записках о галльской войне» (середина I в. до н.э.). Возникает вопрос, насколько это явление было общим, насколько локальным и не было ли оно вызвано практикой массовых миграций, не будучи исконным для общества древних германцев. Мы весьма далеки от мысли, что христианство как таковое (если не понимать под ним более широко влияние цивилизации континентальной Европы) сыграло большую роль в крушении системы скандинавского одаля. Когда датский историк говорит, что в разрушении одалей большую роль сыграла концентрация крупной земельной собственности, он, скорее, меняет местами причину и следствие. Еще до начала формирования в массовом порядке крупной феодальной собственности в Скандинавии, и в частности в Дании, становой хребет общества бондов был сломлен властью с помощью тяжелооруженных конных дружинников (с копьями, длинными щитами и в кольчугах) епископа Абсалона, разгромивших пешее народное ополчение бондов Сконе. Исходя из информации, содержащейся в законах второй половины XIII в., следует думать, что в это время подобная система сформировалась с некоторым опозданием в Швеции и Норвегии. Не очень важно, что первоначально главной формой эксплуатации крестьян были королевские налоги, а не феодальная рента. Важно, что только во второй половине XII столетия в Дании выделился господствующий

¹ Хлезов А. А. Начало походов викингов — о правомочности формулировки // Скандинавские чтения 2016 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2018. С. 17–26.

² Возгрин В. Е. Летописцы и историки Дании: эволюция национальной историографии от средневековья до современности. СПб., 2019. С. 276.

³ Там же. С. 277–278.

класс в виде королевских и епископских дружинников, а профессиональное конное войско стало четко отделено от сельских производителей. Разумеется, с течением времени все большее значение приобретали феодальные земельные пожалования короны дружинникам и церкви и собственно феодальная эксплуатация населения. Однако следует отметить, что реальным поводом к выступлению бондов Сконе стало введение церковной десятины.

Главное, что следует сказать о втором этапе в развитии традиционного скандинавского общества, — что это уже общество, базирующееся на неделимой земельной хуторской собственности патрилокальной расширенной семьи, рода, — *этта* (*aett*), которая передавалась по мужской линии и называлась одадем. Родичи трех поколений жили под одной крышей длинного дома, как, например, Ньяль и его сыновья со своими женами и детьми в «Саге о Ньяле». Эти крепкие земельные собственники могли выставить (по воле конунга или сами) народное ополчение — войско бондов, значительно превышающее по численности и силе дружины различных представителей родовой знати, в том числе самих конунгов. В полном соответствии с таким балансом сил в этот период и строились отношения между родовой знатью, в частности конунгами, и обществом бондов⁴.

Возникает закономерный вопрос: когда сформировалась система неотчуждаемого одаля? По мнению многих археологов, хуторская система заменила сельские поселения приблизительно в середине 1-го тыс. до н.э.⁵ Однако такая хронология представляется нам сомнительной. В этом смысле чрезвычайно большое значение, как мы полагаем, имеет эволюционная типология жилища в архаической Скандинавии. Уже в раннем скандинавском бронзовом веке на смену небольшим жилым домам эпохи неолита приходит длинный дом каркасно-столбовой конструкции с центральными очагами. Причем важно отметить, что подобные дома уже в раннем бронзовом веке становятся массовыми, главными в поселениях. В частности, в норвежском Рогаланде около 1800 г. до н.э. жилища местного населения, занимавшегося по преимуществу овцеводством, представляли собой вытянутые дома около 20 м длиной, в основном трехнефные (иногда двухнефные), крышу которых поддерживали ряды столбов. Отапливались и освещались такие дома напольными очагами.

⁴ Губанов И. Б. Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы. СПб., 2016. С. 35–49.

⁵ *Nachmann R.* Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970. S. 380–432; *Шукин М. Б.* Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1977. № 18. С. 79–91; *Brøndsted J.* Nordische Vorzeit: in 4 Bdn. Bd. III. Neumünster, 1963. S. 47–55, 94–104, 283–285; *Randsborg K.* The Viking Age in Denmark. London, 1980. P. 61–66; *Møllerop O. J.* Gård ok gårdsamfunn i eldre jernalder // Stavanger Museums Årbok. Stavanger, 1957. S. 43–47; *Stenberger M.*: 1) Vorgeschichte Schwedens. Berlin, 1977. S. 274–295, 332–333; 2) Eketorp, Entwicklung und wirtschaftliche Bedeutung // Vor- und Frühformen: in 2 Bdn. Bd. II. Göttingen, 1974. S. 10; 3) Öland under äldre järnaldern. Stockholm, 1933. S. 14–16; *Stenberger M., Klindt-Jensen O.* Vallhagar, a migration period settlement on Gotland/Sweden. Copenhagen, 1955; *Müller-Wille M.* Bäuerliche Siedlungen der Bronze- und Eisenzeit in den Nordseegebieten // Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters. Göttingen, 1977. S. 160–172, 213–214; *Гуревич А. Я.*: 1) Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тыс. н.э. в свете данных археологии и топонимики // Советская археология. 1960. № 4. С. 231; 2) Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье // Средние века. 1956. Вып. 8. С. 70–96; *Hagen A.* Studier i jernalderens gårdssamfunn // Universitets Oldsaksamlings skrifter. Oslo, 1953. No. 4. S. 157; *Arbman H.* The Vikings. London, 1962. P. 29; *Неусыхин А. И.* Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв. М., 1964. С. 44–47; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 29–31.

Также около 2000 г. до н.э. появляются большие длинные дома каркасно-столбовой конструкции, имеющие вытянутую форму от 30 до 47 м длиной⁶. Надо сказать, что дружинные постройки датских конунгов в Лейре и свейских конунгов в Уппсале начала VI в. н.э., открытые в начале XXI в., имеют примерно такие же размеры⁷. Следует думать, что такие палаты в более позднюю эпоху служили центрами богатых усадеб представителей родовой знати — обладателей дорогого вооружения и роскошных украшений. Именно эти дома в вендельский период и эпоху викингов являлись подлинными центрами власти, социальных инициатив и влияния, местом общения и воспроизводства социальных связей⁸.

Длинный дом каркасно-столбовой конструкции с напольными центральными очагами по оси бытует в Скандинавии и в римском железном веке, и в вендельскую эпоху, и в эпоху викингов, как наглядно показали исследования Стена Теша в области Сконе в Южной Швеции, традиционно принадлежащей Дании. Широкое распространение варианты данной постройки приобретают на юго-западных побережьях Северного моря во второй половине 1-го тыс. до н.э. и в последующее время⁹. Размер домов и число рядов опорных столбов варьируются за три тысячелетия, но сам тип длинного дома каркасно-столбовой конструкции как центра одаля остается неизменным вплоть до периода Средневековья, когда на смену древнескандинавскому длинному дому приходит столь же малый, как в эпоху неолита, дом феодально зависимых скандинавских крестьян¹⁰. Таким образом, смена типов жилища в Скандинавии определенно соответствует смене типов общества — от общества влиятельных бондов — владельцев одалей и их центров — длинных домов — к бедному, зависимому от своих феодальных господ и государства крестьянству эпохи Средневековья.

Есть все основания полагать одаля краеугольным камнем социальной структуры Скандинавии на протяжении весьма длительного времени. Исключительно интересный пример такого комплексного и системного домохозяйства переходного периода предоставляют нам недавние археологические и археоботанические исследования в Юго-Западной Норвегии. В частности, ферма Улланнхауг в Ругаланне, существовавшая в период с 350 по 600 г., является центром классического одаля. Она объединяет в себе как «ядро» в виде усадьбы, так и обширную хозяйственно-производственную периферию с развитой и сбалансированной агрикультурой, в которой были представлены пищевые, кормовые и технические растения¹¹.

⁶ Iversen R. Big-Men and Small Chiefs: The Creation of Bronze Age Societies // *Open Archaeology*. 2017. No. 3. P. 361–375.

⁷ Christensen T. Lejre beyond the legend — the archaeological evidence // *Siedlungs- und üsteforschung im südlichen Nordseegebiet*. Rahden, 2010. No. 33. P. 237–254; Ljungkvist J., Frölund P. Gamla Uppsala — the emergence of a centre and a magnate complex // *Journal of Archaeology and Ancient History*. 2015. No. 16. P. 1–29.

⁸ Хлезов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб., 2002. С. 86–96; Губанов И. Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004. С. 43–50.

⁹ Хлезов А. А. Предвестники викингов. С. 86–90.

¹⁰ Tesch S.: 1) House, farm and village in the Köpinge area from Early Neolithic to the Early Middle Ages // *The Archaeology of the Cultural Landscape. Field Work and Research in a South Swedish Rural Region*. Lund, 1992. P. 283–344; 2) Houses, farmsteads and long term change. A regional study of prehistoric settlements in the Köpinge area, in Scania, Southern Sweden. Uppsala, 1993.

¹¹ Rindal B. Plant remains from Ullandhaug, an iron age farm site from the migration period in south-west Norway // *AmS-Varia*. 2011. No. 53. P. 53–63.

Есть все основания полагать, что хронология бытования длинных домов специфической конструкции полностью отражает хронологию существования особого типа социально-экономической и правовой организации, свойственной Скандинавии и удивительно устойчивой на протяжении примерно тридцати веков. Отметим, что, с точки зрения человека этого общества и формата его исторической памяти, такая социальная система представлялась вечной, предустановленной и абсолютно незыблемой. Именно поэтому любые попытки ее демонтажа воспринимались обществом бондов крайне болезненно и агрессивно. Эта система обеспечивала высокую степень хозяйственной стабильности и, что еще более важно, формировала особый тип мышления, по преимуществу определивший специфику общественно-го сознания скандинавских социумов соответствующих эпох.

Думается, крупные усадьбы родовитой знати также издавна существовали в Скандинавии в рамках системы одаля, вовсе не являясь чем-то инородным в хозяйственной системе свободных бондов. В таких крупных хозяйствах трудились преимущественно домашние рабы (трэли), вольнонаемные работники и свободные арендаторы. Очень важно, что преуспевшие на хозяйстве рабы (а таковых в подобных хозяйствах было очень много) зачастую получали землю в собственность и становились вольноотпущенниками, как о том свидетельствует описание усадьбы Эрлинга, родича норвежского конунга Олава, сына Трюгви, в начале XI столетия в «Саге об Олаве Святом» «Круга Земного» Снорри Стурлусона: «У Эрлинга в усадьбе всегда было тридцать рабов и, кроме того, всякая другая прислуга. Днем Эрлинг заставлял своих людей работать на него, а вечером или ночью он давал возможность тем из них, кто хотел, работать на себя. Он давал рабам землю, и они сеяли хлеб и снимали урожай. Эрлинг устанавливал размер выкупа, и многие рабы выкупали себя через полгода или год, а все, у кого было хоть сколько-нибудь удачи, выкупали себя через полтора года. На эти деньги Эрлинг покупал себе других рабов. Тех, кто становился свободным, он посылал на ловлю сельди или отправлял на другие промыслы. Некоторые расчищали себе участки и селились там, и каждому он чем-нибудь помогал» (перевод Ю. К. Кузьменко)¹².

Перед нами, в сущности, своего рода социальный лифт. Нечто подобное, как известно, практиковалось в Римской империи, однако там потенциальные либертины-вольноотпущенники были по преимуществу выходцами из городской «фамилии». «Говорящие орудия» на виллах римской знати получили возможность повышать свой социальный статус лишь в самом конце римской истории, с развитием системы колоната и ставкой на мотивацию производителя сельскохозяйственной продукции. В скандинавском же варианте мы видим весьма гармоничное общество, где стимулирование несвободных работников в усадьбе социального авторитета носит массовый характер, срок подневольного труда исключительно мал, а отношения между бывшим хозяином и вольноотпущенником носят отпечаток вполне эффективного патронажа и своего рода социального партнерства. Наличие же земельных ресурсов для внутренней колонизации снимает до поры проблему перенаселения даже без эмиграции.

Таким образом, за счет вольноотпущенников пополнялся класс крепких бондов, и наличие крупных хозяйств вовсе не подтачивало систему одаля и не вело

¹² Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 177.

к закабалению бондов, а, напротив, порождало новые одали и новых крепких бондов. Их правовой статус, насколько можно судить, вряд ли отличался от такового других свободных бондов. Об этом, в частности, свидетельствует «Сага о людях с Песчаного Берега». Тут крепкий хозяйственник-вольнотпущенник, пользуясь покровительством вождя-жреца годи, на равных конфликтует с отцом годи, пользуясь поддержкой последнего¹³.

Мощное народное ополчение бондов — собственников одаля — представляло собой грозную силу, способную противостоять дружинам военных вождей. В связи с этим стоит, вероятно, отметить, что наряду с объединительными тенденциями и усилением власти скандинавских конунгов в конце IX–X в. конунгам и другим представителям родовой знати ущемлять права вольных бондов было все еще достаточно опасно. В противовес тенденциозной и, скорее, продиктованной политическими пристрастиями автора первой половины XIII столетия версии Снорри Стурлусона в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» «Круга Земного» об отнятии одаля у норвежских бондов, заслуживает особого внимания версия событий конца IX в. «Саги о людях с Песчаного Берега», в которой Харальд Прекрасноволосый по жалобе бондов посылает херсира Кетиля Плосконосого, чтобы он защитил их от пиратских набегов бежавших на острова Атлантики представителей родовой знати, прежде ущемленных конунгом¹⁴.

Такая политика первого объединителя Норвегии выглядит вполне реалистичной. Его противниками естественным образом выступали представители родовой знати, локальные военные вожди (побежденные конунгом Харальдом в битве при Хаврсфьорде в конце IX в.), но серьезно ссориться с бондами в то время было бы подлинным самоубийством. Хотя, конечно, в определенной степени бонды были недовольны некоторым ограничением своих прав, впоследствии восстановленных, что и выразилось в знаменитой речи Асбьёрна из Медальхуса на Фростатинге в середине X в.

Конунгов выбирали во всех Скандинавских странах. У данов, по Свену Аггесену, всеобщее собрание народа, на котором избирался конунг, происходило в XI столетии в Иссоре. Неудобного конунга народ вполне мог сместить вооруженным путем и периодически прибегал к этой мере.

Поражение в битве с ополчением бондов и убийство норвежского конунга Олава Святого в битве при Стикластадире в 1030 г.¹⁵ и датского конунга Кнута IV Святого, сына Свена II Эстридсена и внучатого племянника Кнута II Могучего, в 1086 г., описанное первым историком Дании Свенном Аггесеном в Роскильдской хронике и других источниках, красноречиво свидетельствует о соотношении сил между дру-

¹³ Губанов И. Б.: 1) Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. С. 59–62, 138–164; 2) Общество древних скандинавов под микроскопом: «Сага о Людях с Песчаного Берега» как этнографический источник. Взаимоотношения конунга с бондами и родовой знатью, взаимоотношения годи и их тинговых, культ и верования у скандинавов IX–X вв. н. э. // Научный вестник Крыма. 2019. № 5 (23). С. 1–26.

¹⁴ Исландские саги: в 2 т. Т. 2 / пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга; стихи в пер. А. В. Циммерлинга и С. Ю. Агишева; под ред. С. Ю. Агишева, А. В. Бусыгина, В. В. Рыбакова. М., 2004.

¹⁵ Подробнее об этом с приложением текста «Саги об Олаве Святом» на древнеисландском языке и в переводе Ю. К. Кузьменко см.: Губанов И. Б. Власть конунга и власть бондов: традиционное общество в Скандинавии X–XII вв. по Снорри Стурлусону и Саксону Грамматику и его закат // Научный вестник Крыма. 2018. № 6 (17). С. 1–31.

жиной конунга и ополчением бондов в это время. Естественно, Свен писал через 100 лет после описываемых им здесь событий, когда только что произошел переход к раннесредневековой государственности, и, будучи высокопоставленным дружинником епископа Абсалона, знаменитого военачальника и приближенного конунга Вальдемара I, как и его коллега по историческому цеху Саксон Грамматик, первый историк Дании был ярким выразителем интересов только что народившегося господствующего класса. Именно поэтому Свен здесь употребляет соответствующую негативную лексику в отношении народа, да и акценты в отношении того, что является нормой в его представлении, несколько смещены, но факты, вероятнее всего, указаны верно. Кнут был вынужден бежать и погиб вследствие мятежа бондов, после того как он попытался в непредусмотренном законом размере оштрафовать за дезертирство корабельное ополчение — громадный ледунг, собранный для отвоевания Англии. Некоторые историки предполагают, что конунг погиб в своей круглой древоземляной крепости Ноннебьерг в Оденсе, сожженной народным ополчением, в 1086 г.¹⁶ Впрочем, согласно Саксону Грамматику и другим датским источникам, датский конунг Кнут IV Святой был убит копьем в церкви, где он пытался укрыться со своими сторонниками, несмотря на их яростное сопротивление¹⁷.

Свен Аггесен пишет, что во время междоусобицы первой половины XII в. во время битвы с хорошо снаряженным народным ополчением области Сконе погиб сын конунга Николая Магнус. Жители Шлезвига убили бежавшего после этой битвы на корабле за земляные валы города самого конунга Николая в 1134 г., а захвативший власть жестокий конунг Эрик II — убийца своих родичей — был в 1137 г. поражен копьем на народном собрании неким человеком, которого звали Плог Черный (согласно «Саге о Кнютлингах», он отомстил за отца, убитого конунгом за то, что он прекословил ему на тинге). Как нами отмечалось ранее, вероятнее всего, система одаля была уже в начале 2-го тыс. н. э. Судя по замечаниям западноевропейских хронистов раннего Средневековья, система наследственных одалей, несомненно, уже существовала к началу эпохи викингов, так как именно эти независимые источники говорят о том, что в походы на Западную Европу за добычей и славой в IX в. отправлялись преимущественно младшие сыновья, не получавшие наследственной земли традиционно *неделимого одаля*, которая переходила к старшему сыну. Так, например, хронист Гильом Жюмьезский пишет, что отец отправлял младших сыновей в викингские походы, оставляя одаль за старшим сыном, но закон был нарушен Рагнаром Лодброком¹⁸.

Эта общественная система определенно пережила эпоху викингов, если держиваться традиционной хронологии. Характерно, что в Дании даже середины XII в. конунги продолжали избираться на тингах Зеландии, Ютландии и Сконе. Тинги Ютландии и Зеландии могли поддержать различных претендентов на престол датского конунга, что вызывало нередко острую внутривосточную борьбу. Саксон Грамматик описывает выборы на тингах и междоусобицу середины XII в., когда жители Зеландии избрали конунгом Свена, а Ютландии — Кнута, и междоусобица продолжилась.

¹⁶ Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966. С. 72.

¹⁷ Саксон Грамматик. Деяния данов: в 2 т. Т. 2, кн. XI–XVI / пер. и комм. А. С. Досаева; под ред. И. А. Настенко. М., 2017.

¹⁸ Там же. Т. 1, кн. I–X. С. 522.

Возникает и следующий закономерный вопрос. Когда же произошел переход к третьему этапу, то есть к фазе средневековой государственности, положившей конец народоправству бондов и окончательно разделившей общество на профессиональных конных воинов (вооруженных господ) и ущемленных в правах крестьян, обязанных это сословие вооруженных господ кормить посредством прямых королевских налогов либо, что с течением времени получало все большее распространение, посредством феодальной ренты?

Источники, преимущественно первые историки Дании, дают ответ на этот вопрос. Только в конце XII столетия, около 1180 г., король Вальдемар I, опираясь на конную тяжеловооруженную дружину епископа Абсалона, разгромив ополчение бондов Сконе, восставших против взывания Абсалонам *церковной десятины*, сумел установить средневековую государственную систему с четким разделением на профессиональное войско господ и сословие землепашцев, с которого собирались королевские налоги и чье приниженное состояние характеризует восторженный почитатель епископа Абсалона Саксон Грамматик. Последний, в частности, пишет, что с тех времен «мужичье» уже не осмеливалось бунтовать против своих господ.

Окончательно сопротивление бондов было сломлено уже после смерти короля Вальдемара I, после так называемого третьего мятежа жителей Сконе в 1182 г., когда сюда вновь вторглись из Зеландии дружинники епископа Абсалона. Протеже епископа Абсалона Саксон Грамматик выступает явным идеологом власти феодальных господ, противопоставляя благородную знать народу, или черни. Помимо совершенно немислимого в эгалитарном обществе бондов, но весьма характерного для стратифицированного феодального общества словоупотребления Саксона Грамматика, следует обратить внимание и на то, что источником права здесь выступает власть, а не народ, что традиционно было присуще обществу бондов. Некогда вольные бонды под угрозой копий и мечей дружинников епископа были вынуждены «довольно громко, хотя и без особой радости в голосе» одобрить «своими криками каждое из предъявленных им решений», и народ «в дальнейшем больше не осмеливался высокомерно относиться к власти своих господ» (перевод А. С. Досаева)¹⁹.

Как видим, общество свободных бондов даже в наиболее прогрессивной из Скандинавских стран Дании сопротивляется попыткам установления подлинно государственных форм правления весьма долго. Вряд ли стоит воспринимать как политогенез попытки объединения Дании Гормом Старым, однако его преемники в этом преуспели. Вот почему мы можем говорить о формировании государственных структур в Дании применительно к последней трети и концу X в. И лишь в последней четверти XII в. сопротивление эгалитарных слоев общества попыткам навязать им аппарат управления и понизить их социальный статус было в основном сломлено.

Еще более растянутыми во времени были аналогичные процессы в остальных странах Севера. Вероятно, несколько позже, в середине — второй половине XIII столетия, происходит качественное усиление королевской власти в Норвегии, характеризующее формирование и в этом скандинавском регионе средневеково-

¹⁹ Саксон Грамматик. Деяния данов. Т. 2, кн. XI–XVI. С. 296–315. — Переводы И. Б. Губанова текстов Саксона Грамматика об этих событиях см.: Губанов И. Б. Власть конунга и власть бондов. С. 1–31.

го государства²⁰. Особенностью источникового фонда, как известно, является то, что ранняя история Норвегии отражена в текстах неизмеримо ярче и подробнее, чем история Швеции и Дании. Однако для XII–XIII вв. ситуация меняется. Здесь у нас нет такого репрезентативного повествовательного источника по событийной истории, какими являются хроники Саксона Грамматика, однако есть такой яркий законодательный памятник, как единый свод законов в редакции короля Магнуса Исправителя Законов под названием «Ландслов» («Закон (всей) земли») 1270-х гг.

Самое яркое свидетельство новых, отнюдь не в традициях древнегерманской вольности, порядков тут — назначение королевскими чиновниками представителей на тинги. Такой порядок прописан в «Разделе о посещении Гулатинга». Таким образом, поездка на тинг, столетиями бывшая своего рода праздником народоправства и наиболее зримым выражением эгалитарного характера общества и его социального здоровья, превращалась на глазах в определенную повинность для назначенных властью бондов, хотя сами внешние обычаи тинга, с судом-легреттой, заседающим на циркульно огороженном священном месте, как и многие нормы обычного права, остались прежними.

Таким образом, рассматривая ретроспективную социальную историю северогерманских обществ, мы можем проследить в ней две четко выраженные и весьма отличающиеся друг от друга фазы развития общественных отношений. Перечислим их.

Судя по тому, что длинный дом каркасно-столбовой конструкции, в котором проживала патрилокальная расширенная семья, владевшая одалем на протяжении поколений, появился еще в раннем скандинавском бронзовом веке, около 1800 г. до н. э., и бытовал на протяжении трех тысячелетий, включая эпоху викингов (793–1066 гг.), представляется весьма вероятным, что традиционное древнескандинавское общество, в основе которого лежала прослойка свободных крестьян-бондов, непрерывно существовало все это время. Нет никаких прямых или косвенных свидетельств того, что скандинавские социумы в течение этого времени постигали какие-либо общественные катаклизмы, нет доказательств серьезных перемен ни в хозяйственной, ни в поселенческой, ни в иных традициях. Письменные источники, изобилующие подробной информацией, — во всяком случае с начала походов викингов и особенно начиная с «века саг» — говорят о том, что это общество в своих главных чертах не менялось вплоть до 1179–1180 гг. в Дании и приблизительно до середины XIII столетия в Норвегии. Ключевым фактором этой стабильности было то, что сложилась система *одаля* — неотчуждаемой собственности патрилокальной расширенной семьи, где эта земля передается по наследству по мужской линии из поколения в поколение. В норме три поколения родичей — глава одаля с женой и его взрослые сыновья со своими женами и детьми, а также многочисленные домочадцы и домашние рабы — живут под одной крышей в длинном доме с центральными прямоугольными очагами по оси здания, представляющем собой, по существу, тот же дружинный зал, аналогичный палатам конунга или храму для совершения «пира жертвенной крови» (блотвейцлы). Конунг, располагающий традиционной, но, по сути, весьма ограниченной властью, которую уместнее называть авторитетом, имеет право собирать народное ополчение бондов. Это ополчение,

²⁰ Агишев С. Ю. Земский закон (Ландслов) Магнуса Исправителя Законов: утраченное единство? // Vox Mediae Aevi. 2015. № 2–3. С. 49–74.

при иных условиях, под руководством своих лидеров — сильных и богатых бондов — вполне способно противостоять дружине конунга и зачастую диктует ему свои условия. Конунгов выбирают на *тингах* — собраниях вооруженных мужчин округов, где преимущественно разбираются распри между коллективами родичей (назначается выплата коллективу родичей ответчика, или тот, кто нарушил закон, объявляется изгнанником вне закона, которого каждый может убить).

Образование раннесредневековых государств, там, где это четко зафиксировано источниками, в Дании — последняя четверть XII в., в Норвегии — не позже второй половины XIII в. Епископ Абсалон и король Вальдемар I после периода так называемых гражданских войн, опираясь на профессиональное тяжеловооруженное конное войско (вооружение — кольчуга, конический или полусферический шлем с широким наносником, большой миндалевидный щит конника с заостренным низом и прямым верхом, копье и меч), одерживают победу, в частности в Дании над ополчением бондов области Сконе в 1179–1180 гг., и разоружают их. Теперь бондам предписаны только земледельческие работы, налоги в пользу короля и повинности в пользу новых феодальных господ. В XIII столетии норвежские короли устанавливают законы, по которым представители на тинг назначались королевскими чиновниками (об этом говорится в «Ландслове» Магнуса Исправителя Законов в Норвегии 1270-х гг.). Естественно, этот переход в кардинально другую общественную реальность был отнюдь не одномоментным, но растянутым во времени, а точнее, поэтапным. Бонды постепенно из поколения в поколение утрачивали те или иные элементы своих традиционных прав и свобод. В то же время каждое новое поколение правителей, как светских, так и духовных, постепенно и неуклонно усиливало давление на народные массы, все более противопоставляя себя обществу. Ключевым в этом процессе, безусловно, было формирование королевских и епископских дружин нового типа — конных, хорошо вооруженных (в полном соответствии с магистральными тенденциями развития военного дела феодальной Европы) и достаточно многочисленных. Еще более важно, что эти дружинники не отождествляли себя с массой пока еще вполне свободных бондов, связывая свое благополучие с военной и административной службой конунгу, и, следовательно, не имели с этой массой прямой социальной связи. В Скандинавии стали происходить процессы, которые в полной мере апробировала континентальная Европа в VI–X столетиях. Социально-экономические условия этого без преувеличения эпохального перехода к подлинному средневековому государству, государству как таковому, вызревали, безусловно, постепенно и исподволь. Однако по историческим меркам этот процесс был очень быстрым. Еще в середине XII в., как свидетельствуют Свен Аггесен и Саксон Грамматик, конунгов выбирали на тингах Зеландии, Ютландии и Сконе, а уже в 1180-х гг., по красноречивым свидетельствам Саксона Грамматика, разбитые конной дружиной епископа Абсалона бонды Сконе не осмеливались открыто выступать против своих господ.

Такая стремительная эволюция была, вероятно, своего рода платой за замедленное развитие, за удивительно долгую социальную стагнацию Скандинавии. В силу стечения ряда обстоятельств (что является темой отдельного исследования) Северная Европа очень рано, на рубеже неолита и бронзового века, сформировала свою социокультурную модель, обладавшую несомненными преимуществами. Они заключались в первую очередь в высоком уровне стабильности и, если угодно,

социальной защищенности рядовых членов общества. Достаточно крупные объединения людей, связанных кровным родством, владели одалями, устойчивыми и надежными (насколько можно говорить о надежности в столь архаическую эпоху в принципе) комплексными ландшафтными ресурсами, обеспечивавшими относительно стабильное материальное существование на длительную перспективу. Однако помимо жизнеобеспечивающей функции одадь создавал прочное ощущение личной стабильности у рядового члена общества, что отражалось на коллективной психологии самым положительным образом. Именно консервация этих порядков, апробированных в раннем бронзовом веке и продемонстрировавших свою эффективность, обеспечила населению региона свой, особый путь исторического развития. Надо понимать при этом, что внутренняя структура такого общества бондов была той самой средой, из которой в итоге выходили многочисленные германские племена, участвовавшие в Великом переселении народов. По всей видимости, «споры» одаля несли с собой, надо полагать, все или почти все германские племена. Его разложение, стремительное и временами трагичное, фиксируется порой источниками. Самый показательный пример, вероятно, — это франкский аллод и то, что с ним происходило во времена «Салической правды». Определенная изоляция Скандинавии в сочетании с консервацией архаических обычаев, обусловленной специфическими условиями ведения хозяйства в специфическом же ландшафте, предопределили устойчивость существования одаля, который устраивал население всегда, а социальных лидеров — довольно долгое время. Несмотря на попытки объединения стран Севера военно-политическими средствами в первые непрочные протогосударства, конунги типа Харальда Прекрасноволосого минимально участвуют в традиционной системе, по сути, производя механическое соединение регионов без вторжения в уклад жизни своих подданных — старых и новоприсоединенных. И только неумолимая логика социального прогресса и необходимость формирования новых страт общества, в частности прослойки конных воинов, конкурентоспособных на европейском уровне, заставляет власть в северных странах в XII–XIII вв. пойти на окончательное решение вопроса существования как одаля, так и самих свободных и независимых бондов.

References

- Agishev S. Yu. Zemsky Law (Landwords) of Magnus the Law-Corrector: Lost Unity? *Vox Mediae Aevi*, 2015, no. 2–3, pp. 49–74. (In Russian)
- Andreev Iu. V. *Homeric Society. The main trends in the socio-economic and political development of Greece in the XI–VIII centuries BC*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2004, 496 p. (In Russian)
- Arbman H. *The Vikings*. London, Thames & Hudson, 1962, 262 p.
- Baiok Dz. *Viking Age Iceland*. Moscow, Astrel' Publ., 2012, 912 p. (In Russian)
- Brøndsted J. *Nordische Vorzeit*. In IV Bd. Bd. III. Eisenzeit in Dänemark. Neumünster, Karl Wachholtz Verlag, 1963, 257 p.
- Christensen T. Lejre beyond the legend — the archaeological evidence. *Siedlungs- und üstenforschung im südlichen Nordseegebiet*, no. 33. Rahden, [s. n.] 2010, pp. 237–254.
- Gubanov I. B. *Icelandic family sagas as a source on the history of culture and society of Ancient Scandinavia. Research, texts and translations*. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2016, 230 p. (In Russian)
- Gubanov I. B. Society of Ancient Scandinavians under the microscope: “The Saga of the People from the Sandy Coast” as an ethnographic source. The relationship of the king with the *bonds* and the clan nobility, the relationship between the *goði* and their *þingmen*, cult and beliefs among the Scandinavians of the 9th–10th centuries A. D. *Nauchnyi vestnik Kryma*, 2019, no. 5 (23), pp. 1–26. (In Russian)

- Gubanov I. B. The Power of the King and the Power of *Bonds*: Traditional Society in Scandinavia in the X–XII Centuries by Snorri Sturluson and Saxon Grammar and its decline. *Nauchnyi vestnik Kryma*, 2018, no. 6 (17), pp. 1–31. (In Russian)
- Gurevich A. Ia. Large family in northwest Norway in the early middle ages. *Srednie veka*, 1956, issue 8, pp. 70–96. (In Russian)
- Gurevich A. Ia. Some issues of the socio-economic development of Norway in the 1st millennium AD in the light of archeological and toponymy data. *Sovet archeology*, 1960, no. 4, pp. 218–233. (In Russian)
- Gurevich A. Ia. *Viking raids*. Moscow, Nauka Publ., 1966, 184 p. (In Russian)
- Hachmann R. *Die Goten und Skandinavier*. Berlin, De Gruyter, 1970, 584 p.
- Hagen A. Studier i jernalderens gårdssamfunn. *Universitets Oldsaksamlings skrifter*, 1953, no. 4, pp. 163–180.
- Iversen R. Big-Men and Small Chiefs: The Creation of Bronze Age Societies. *Open Archaeology*, 2017, no. 3, pp. 361–375.
- Khlevov A. A. *Forerunners of the Vikings. Northern Europe in the I–VIII centuries*. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2015, 336 p. (In Russian)
- Khlevov A. A. The beginning of the Viking raids — on the validity of the wording. *Skandinavskie chteniia 2016 goda. Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty*. St. Petersburg, MAE RAN Press, 2018, pp. 17–26. (In Russian)
- Lebedev G. S. *The Viking Age in Northern Europe. Historical and archaeological essays*. Leningrad, LGU Press, 1985, 288 p. (In Russian)
- Ljungkvist J., Frölund P. Gamla Uppsala — the emergence of a centre and a magnate complex. *Journal of Archaeology and Ancient History*, 2015, no. 16, pp. 1–29.
- Møllerop O. J. Gård ok gårdsamfunn i eldre jernalder. *Stavanger Museums Årbok*, Stavanger, 1957, pp. 79–83.
- Müller-Wille M. Bäuerliche Siedlungen der Bronze- und Eisenzeit in Den Nordseegebieten. *Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1977, 198 p.
- Nordal S. *The Historical Element in the Icelandic Family Sagas*. Glasgow, Jackson, Son, and Co., 1957, 35 p.
- Randsborg K. *The Viking Age in Denmark: The formation of a state*. London, Duckworth, 1980, 206 p.
- Neusykhin A. I. *The fate of the free peasantry in Germany in the VIII–XII centuries*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 330 p. (In Russian)
- Olgeirsson E. *From the past of the Icelandic people. Tribal system and state in Iceland*. Moscow, Izd-vo Inostrannoi Literatry Publ., 1957, 331 p. (In Russian)
- Shchukin M. B. The current state of the Gothic problem and Chernyakhov culture. *Arkheologicheskii sbornik Gos. Ermitazha*, 1977, no. 18, pp. 79–81. (In Russian)
- Rindal B. Plant remains from Ullandhaug, an iron age farm site from the migration period in southwest Norway. *AmS-Varia*, 2011, no. 53, pp. 53–63.
- Sawyer P. *The age of the Vikings*. London, E. Arnold, 1962, 286 p.
- Short W. *Icelanders in the Viking Age*. The People of the Sagas. Jefferson, McFarland & Company, 2010, 283 p.
- Stenberger M. *Öland under äldre järnaldern*. Stockholm, Kungl. vitterhets historie och antikvitets akademiens förlag, 1933, 306 p.
- Stenberger M., Klindt-Jensen O. *Vallhagar, a migration period settlement on Gotland/Sweden*. Vol. 2. Copenhagen, Ejnar Munksgaards forlag, 1955, 1205 p.
- Tesch S. House, farm and village in the Köpings area from Early Neolithic to the Early Middle Ages. *The Archaeology of the Cultural Landscape. Field Work and Research in a South Swedish Rural Region*. Vol. 19. Lund, Almqvist & Wiksell International, 1992, pp. 283–344.
- Tesch S. *Houses, farmsteads and long term change. A regional study of prehistoric settlements in the Köpings area, in Scania, Southern Sweden*. Lund, Bloms Boktryckeri, 1993, 232 p.
- Vozgrin V. E. *The chronicles and historians of Denmark: the evolution of national historiography from the Middle Ages to the present*. St. Petersburg, Kruga Publ., 2019, 816 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2020 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2021 г.

Received: September 1, 2020

Accepted: March 12, 2021